

Впервые изданы письма Шостаковича к Соллертинскому

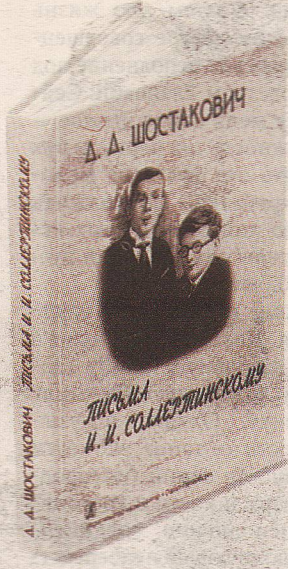
Тихорецк, до востребования

Илья Овчинников

Музыка характеризует личность композитора ярче любых слов — будь то его собственная речь, воспоминания современников или тем паче критика. Однако наряду с переизданиями и новыми записями сочинений Шостаковича, появившимися к столетию со дня его рождения, книга писем к Соллертинскому представляется ничуть не менее важным событием.

Блестящий рассказчик, уникальный специалист в любых областях искусства, полиглот (знал более 20 языков), просветитель, профессор консерватории Иван Иванович Соллертинский был ближайшим другом Шостаковича в течение почти 17 лет. «Всем своим развитием я обязан ему. И жить без него мне будет невыносимо трудно», — писал Шостакович сразу после его кончины. А позже признавался: «Работая над своими новыми сочинениями, я всегда думаю: а что бы об этом сказал Иван Иванович?» Читающей публике Соллертинский хорошо знаком как герой рассказа Ираклия Андроникова «Первый раз на эстраде», хотя Шостакович считал этот портрет друга односторонним: «Высококвалифицированный Андроников в своих воспоминаниях и «устных рассказах», посвященных Ивану Ивановичу, допускает слишком много шутовства горохового».

Вопрос в том, какова допустимая для Шостаковича степень шутовства, в той или иной мере постоянно присутствующего на страницах его писем. Скажем, пересказ диалога с Мейерхольдом в лучших традициях Хармса («Он [Соллертинский], наверное, сердится на меня?» — «Нет. Зачем же ему на вас сердиться?» — «Вот я тоже думаю, что ему на меня сердиться не стоит. А?» — «Не стоит».) хорошо известен. Но и над письмами, публикуемыми впервые, невозможно не смеяться — даже когда речь идет о печальных событиях. Чего стоит горестный рассказ о том, как 22-летний автор гениального «Носа» застрял в захолустье Тихорецке по дороге из Минеральных Вод в Москву:

ДМИТРИЙ ШОСТАКОВИЧ. ПИСЬМА
И.И. СОЛЛЕРТИНСКОМУ / ПРЕДИСЛОВИЕ
Л.Г. КОВНАЦКОЙ. СПБ.: КОМПОЗИТОР,
2006. — 276 с.

«В 2 ч ночи двинулся с вокзала на аэродром. Темно. Злые собаки хватают за икры. Испугался и вернулся на вокзал. Там со мной вел очень любезный разговор красноармеец, смотрящий

«НОВЫЙ ГОД НЕ ПРИНЕС НОВОГО СЧАСТЬЯ МАСТЕРУ СПОРТА БОКСЕРУ РЫКУНОВУ. ПОСЛЕДНИЙ ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ НОВОГО ГОДА ШЕЛ ДОМОЙ. У НЕГО ВЗЫГРАЛА ДУША, И ОН ПОШЕЛ КРОШИТЬ ВСЕХ ВСТРЕЧНЫХ. ДЕЛАЛ ОН ЭТО ПРЕВОСХОДНО (ВСЕ-ТАКИ МАСТЕР) И ПОПАЛ В МИЛИЦИЮ. В СПОРТИВНЫХ КРУГАХ С ВПОЛНЕ ПОНЯТНЫМ ЛЮБОПЫТСТВОМ ЖДУТ СУДА НАД НИМ»

за порядком... «Ночью туда не подпускают. Кто подойдет ближе, чем на 100 шагов, того застреливают»!!! «...» Я дождался рассвета и пошел на аэродром, в душе побаиваясь, что моя драгоценная жизнь будет пресечена... Является очень красивый начальник станции. «Вы тот самый пассажир, что летите в Сочи?» Я ответил, что нет, ибо лечу в Москву. «В Москву», — воскликнул он, искренно пораженный... Здесь он почесал самопишущим пером затылок, отчего последний несколько запачкался. «Видите, — говорит, — я разрешил продать билет до Сочи, а вам продали до Москвы... Вы вылетайте в Тихорецк, а там вас тов. Гусев устроит». «...» На самолете мест не оказалось. Надежды уехать из Тихорецка у меня мало...

Я не могу сдержаться и реву. Меня можно найти по адресу «Тихорецк, до востребования». Я не знаю, какой это губернии или области».

По всей видимости, подобная манера — в лучших традициях Гоголя и Зощенко — была единственно возможной для описания заведомо абсурдной действительности. Впрочем, когда речь заходит о музыке, то от шутовства не остается и следа: так, Шостакович возмущается запретом на исполнение симфонии Тавриила Попова и в соседних же строках пророчит не слишком счастливую судьбу своему балету «Светлый ручей». Соседство симптоматично — запрет симфонии Попова стал лишь началом кампании, которую продолжила травля Шостаковича (ее важным этапом была статья «Балетная фальшь», разгромившая безобидный «Светлый ручей»). Безграничной тоски как по другу, так и по музыке полны письма военного периода (около 40): Соллертинский вместе с Ленинградской филармонией эвакуировался в Новосибирск, а Шостакович — в Куйбышев. И хотя ответные письма Соллертинского не сохра-

нились, можно предположить, что абсолютная открытость Шостаковича была обусловлена такой же откровенностью его друга.

Впрочем, в довоенных письмах, как правило, искреннее проявление чувств все же идет рука об руку с иронией. Так, задав Соллертинскому ряд вопросов по поводу его здоровья, Шостакович сразу же рассказывает о встрече 1939 года в Доме писателей: «Новый год не принес нового счастья мастеру спорта боксеру Рыкунову. Последний после встречи Нового года шел домой. У него взвырала душа, и он пошел крошить всех встречных. Делал он это превосходно (все-таки мастер) и попал в милицию. В спортивных кругах с вполне понятным любопытством ждут суда над ним». **ГАЗЕТА**